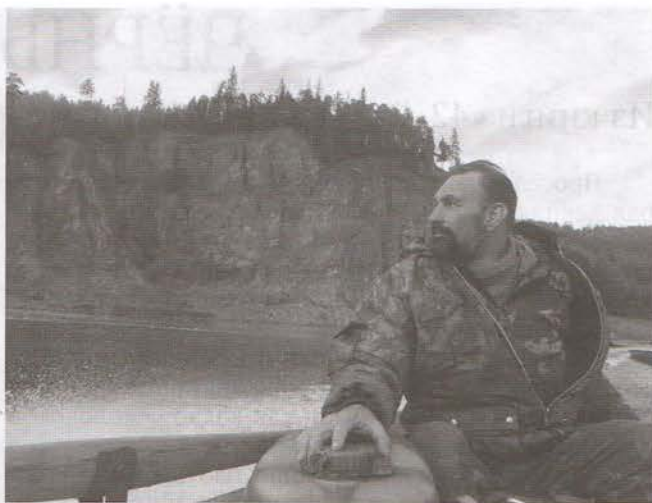

Михаил ТАРКОВСКИЙ, родился в 1958 году в Москве в семье кинорежиссёра Александра Витальевича Гордона (1931–2020) и лингвиста Марины Арсеньевны Тарковской (1934–2024). Внук поэта Арсения Тарковского, племянник режиссёра Андрея Тарковского.

Окончил Московский государственный педагогический институт имени В.И. Ленина по специальности «география и биология». Работал на Енисейской биостанции в посёлке Мирное в Туруханском районе Красноярского края. С 1986 года – штатный охотник Южно-Туруханского госпромхоза, позже – охотник-арендатор в селе Бахта Туруханского района.

По инициативе Михаила Тарковского в селе Бахта построен храм во имя Исповедников и Новомучеников Российских, а также открыт «Музей тайёжных традиций – традиционных промыслов Сибири». Автор книг: «Тойота-Креста», «Полет совы», «Енисей, отпусти», «Живая верста», «За пять лет до счастья», «Сказ про Заказ», «Замороженное время» и др.

Живёт в пос. Бахта Туруханского района Красноярского края.

За книгу «42-й до востребования» Михаилу Тарковскому присуждена литературная премия имени И.А. Гончарова (2025) в номинации «Мастер литературного слова».

Не оборачивайся, Иванушко, остолбенеешь...

Но как не вспомнить детские годы,
особенно самые ранние,
напитанные ощущением
такой необъяснимой
значимости происходящего,
что всё как в сумерках,
но не из-за раннего вечера,
а из-за общей густоты происходящего,
крепости смыслов.

Словно ещё провожает праматеринское,
хотя молодой мир уже льётся потоком,
и ты весь – как неприморгавшееся око.

Трудно, судорожно подаётся окрестность,
и ты неверно идёшь, увязаясь.

И от каждого шага
охватывает тайной уже секунду спустя,
и чем глубже затягивает прошлое сандальку
с хлябкими ремешками,
тем бездонней зияющий след
и родней вереница отпечатков.

И чем чаще оборачиваешься,
тем непостижимей светлый столбняк...

Из старых записей

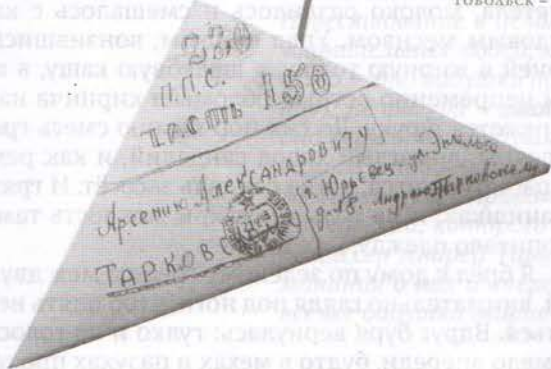

42-Й
ДО ВОСТРЕБОВАНИЯ

Михаил Тарковский

ОБЩЕСТВЕННЫЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ФОНД «ВОЗРОЖДЕНИЕ ТОВАЛЬСКА
ТОВАЛЬСК – 2023

ЧЁРНЫЙ БЫК

Из книги «42-й до востребования»

Проселочная дорога, опушка, и обязательно сырая лесная глыба с высокими редкими травами и каким-нибудь мясистым и бледным цветком. Под полутёмным кровом флейтово низко и странно поёт таинственно-неизвестная птица, вступая редко и отрешённо...

Полевая дорога. пышная и нежная пыль, прибитая после дождя. Корка мокрая, копнёшь – там сухая и тёплая глубь. Лужи, как какао с молоком и бледной небесной добавкой.

К пыли я относился хорошо, бабушка же её терпеть не могла. «Пылища» состояла у неё в одном проклятом списке с микробами. Были у бабушки и другие страхи: коровы, гуси и змеи. Коров, казавшихся ей бодучими, обходила. Стадо надвигалось неотвратно – гудким сопением, молочно-навозным чадом, смесью жаркого воздуха и паутов, колюче врезающихся в лоб. Бабушкино лицо, и так напряжённо усталое, особенно подбиралось, подсыхало. «Смотри, вон та рыжая нехорошая», – прищурясь, говорила бабушка на мосластую коровёнку с разно торчащими рогами. Один, точёный, с будто опалённым остриём, грозно целил вперёд. За стадом шёл пастух Андрей, ссохшийся и запёкшийся от солнца и похожий одновременно и на старика, и на подростка. Был он в чём-то выгоревшем до лиловой серости и в кепке. С плеча свисал и волочился длинный кнут, сходя в дорогу постепенно и словно сливаясь с ней. Раскатно и в нос Андрей взрывает: «Но пошла-а-а-а», а бабушка, повеселев, рассказывает сказку про Быка:

- Для чего ты, старичок, нож точишь?
- Да старуха велела тебя зарезать...
- Не режь меня, лучше засмоли мне спину.

И я представляю, как быка смолят, как лодку, чтоб не сгнил, и удивляюсь, почему ему не больно – смола-то горячая...

Боялась бабушка и гусей, когда начинали шипеть и, наступая, тянуть шеи, будто под что-то подныривая. В гусиных шипении и шеях бабушке виделось змеиное. Я хорошо знал бабушкино прищуренное выражение и быстрый обходной шаг. И худые ноги в коротких резиновых сапогах.

С дороги в чащу она сходила осторожно: боялась гадюк, хотя тех, кто их убивал, осуждала. Страхи эти и на меня пытались перейти, но я постепенно управился, хотя, чтобы взять в руки змею, и теперь сделаю усилие.

Дела тех дней шли самым неспешным чередом. Так выдвинулся из ряда событий деревенский бык, пропоротивший бок пастуху Андрею.

То, что жертвой стал именно пастух, было особенно святотатственно. Помню, как бык этот прошёл мимо нашего дома, коротко и под нос роняя низкий, негромкий и леденящий рыко-хрип. Так кричит натужно пожилой мужик, получив удар сыгравшей доской или коряча груз.

Дом наш стоял на краю, а внизу лежало, как вытканное, поле с копнами. По нему и нёсся бык спуска несколько минут. Чёрный с пыльным отливом,

он поддел копёшку, и сено разлетелось веерно и пыльно. И радостно до озноба было, что бык далеко в поле, а ты за забором, а вот уже и за дверью. А потом перешло дело в грозу, да так естественно, будто оглушительный и грозный гром был продолжением этого длинного бычары, а веерный взрыв сена – предвестником предгрозового порыва ветра, пронёсшегося по полю. Поле казалось огромным и далёким, но этот веер сена я видел отчётливо, настолько странна детская оптика: несмотря на удалённость копёшки, она была будто рядом, словно пространство гуляло, удаляя и приближая предметы по мере моей привороженности.

Грома я боялся, как и вообще громких звуков, и выходило, что сама молния не так заботила, как этот чутунный, сотрясающий небо, раскат. Бабушка начала считать секунды меж молнией и громом, как вдруг оглушительный и одиночный удар с ясным треском шархнул точно над нами. Затрепетали молнии, будто нежданная бабочка-защитница зависла над нашим домом в то время, как грозный кто-то в блестящей робе, шипя электродом, расшивал небесную арматуру. А бабушка всё считала секунды и всё указывала на увеличение разрыва, мол, видишь, проходит гроза. А в небе гигантскую мебель продолжали ворочать в то время, как с поля дождевая стена шла белёсым войском и поглотила, зашелестела, загрохотала по крыше обвально, и ливень упрятал нас от быка, молний и грохота.

Потом так же умолкло, рассеянно отдробив по кровле, и я выскочил и увидел синеющую боковину неба, воронки от капель на дороге и вспухший, в ребристую ёлочку, ручей, бегущий по колею. Главную силу он набрал именно по окончании ливня, и было что-то великолепное в том, что чем дальше буря, тем сильнее взбухает поток. Грохотнул гром, уже далёкий, будто всё продолжающий на меня ворчать, требовать какой-то душевной дани и, казалось, чем дальше небосклон, тем круче скат и тем податливее рухались ядра грома – как булыганы с самосвального кузова.

Отмоклым ясным голосом запела кукушка. И по молоко меня послали с бидончиком в дом за оврагом, к тётке Варе. Молоко забрал, но скользь стояла такая, что я поскользнулся и шмякнулся в сверкучую грязь-жижу... И бидончик грохнул, крышка отлетела, молоко разлилось и смешалось с карим следовым месивом. Упал я боком, вонзившись пятерней в жирную толщу, в шёлковую кашу, в которой непременно острый обломыш кирпича найдёт и врежется в руку. До сих пор помню смесь грязи с молоком, дрызглый холод сандалий, и как ремешки растягиваются, когда сандаля засосёт. И грязь на штанишках, и на голых ногах, и мокрость там, где пропитало одежду, и та липнет.

Я брёл к дому по зелёному гребню меж двух колеи, внимательно глядя под ноги, чтоб опять не свалиться. Вдруг буря вернулась: гулко и на голоса зашумело впереди, будто в мехах и пазухах пространства очнулся отставший ветрило. Я поднял голову:

навстречу шёл бык. С губы свисала тягучая слюни-на. В лучах солнца со шкуры летуче парила влага.

Из боковой калитки выскочила бабушка в телогрейке с хворостиной и предельно сощуренным лицом. Закидывая кругово худые ноги в коротких сапогах, она побежала быку наперерез. Я вжался в забор, и бык, не меняя шага, прошёл мимо, добавив к утробному сопенью низкий и хриплый рык, относящийся уже к бабушке, которая стояла меж мной и быком и шевелила губами.

Мы вернулись на наше крыльцо, откуда видне-лось поле с копнами, освещёнными вечерним солн-

цем. В эту минуту деревянно-раскатно досыпался гром в огромный ларь за полем, и бабушка, придя в своё восхищённо-эпическое состояние и дрогнув голосом, сказала, что это Илья-Пророк на телеге прогремывал по каменно-крепким облакам. И ещё что-то такое старинное и уходящее в громовую даль веков, что и меня самого потянуло туда могуче и ясно, и я дрызглыми ремешками сандалек ощутил эту спасительную глубину, и показалось – чем крепче вращу стопами в отчую древность, тем легче мне будет выглянуть, свеситься в окошко нового дня. И не выпасть.

«Книга Михаила Тарковского «42-й до востребования» – роман в рассказах. Повествование в целом и в частностях посвящено детству автора в окружении удивительных людей, которые и есть подлинные герои книги. Для Михаила Тарковского – это бабушка по материнской линии, Мария Ивановна Вишнякова («Миван-на»). Её фигура – эмоциональное сердце повествования и стержень, на котором оно держится. Бабушка в глазах писателя связывает время и пространство, его самого в прошлом с собой же в будущем... Подлинную уникальность книге Михаил Тарковский придают его знаменитые родственники: дедушка – поэт Арсений Тарковский, которого мальчик поначалу считал дядей («Дядя Ася») и дядя – кино-режиссер Андрей Тарковский («Дядя приходит к нам»). Непосредственные воспо-минания о них интересны и ценны. Оба столпа культуры беспримерно важны, и всё же бабушка Мария Ивановна затмевает их в повествовании...»